

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. Макаренко¹

СВОБОДНА ЛИ НАУКА ОТ ЦЕННОСТЕЙ: КОГНИТИВНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ВИНТИКА ДИССЕРТАЦИОННОЙ МАШИНЫ

Вынесенный в заглавие вопрос вытекает из известного тезиса Макса Вебера: наука может и должна быть свободна от ценностей. Этот сюжет получил неожиданное распространение в постсоветской России. Особенно в кругах людей, называющих себя «учеными». Моя задача – оспорить указанный тезис. При этом я опираюсь на известный цикл статей Е. Балацкого [1]. Однако Е. Балацкий не рассматривает когнитивные проблемы, прямо или косвенно связанные с тезисом Вебера.

Начну с банальностей. Всем известно, что ученые создали ядерное оружие. Все более заманчивы перспективы появления биологического оружия, клонирования новых видов животных и «постчеловеческих существ». А совершенствование информационной бомбы в ее примитивном и рафинированном исполнении можно наблюдать ежедневно по телевизору [2]. С учетом этих фактов возникают стародавние вопросы: может ли наука изучать ценности и высказывать оценки? является ли она благом или злом?

Может ли наука изучать ценности? Переведу первый вопрос на язык моего повседневного труда. Со студенческой скамьи я формировал себя прежде всего как исследователя. Но от академической барщины не был свободен никогда. Всегда преподавал и даже пытался чему-то воспитывать современных недорослей. Затем стал одним из множества функционеров диссертационной машины и до сих пор наблюдаю ее действие на умы и поведение своих и чужих студентов. Но самое главное – я был и остался читателем. Этот опыт позволяет мне судить, что оценки чаще всего встречаются в рецензиях, статьях и книгах при формулировке отношения конкретного автора к другим концепциям и их авторам. И чем более оригинален тот или иной автор, тем более критически он относится ко всем остальным авторам и их концепциям. Даже работы по логике включают оценки в виде попутных замечаний, выражающих установки исследователя. Например, автор создает определенный язык и считает его

¹ **Макаренко Виктор Павлович**, доктор политических наук, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ.

удобным для практического применения. Такой акт и суждение есть скрытая оценка.

Однако нередко оценки в науке ставятся под сомнение. Если с этим согласиться, то любая рецензия есть вненаучный (или методологический) текст. Значит, для исключения оценок из науки методологию науки надо вывести за пределы науки. Например, логика не должна включать доказательство тех или иных тезисов, поскольку оно приводится в рамках метатеории путем апелляции к правилам метаязыка.

Правда, доказательство можно определить как последовательность, в которой каждое суждение является преобразованием предшествующих суждений по определенным правилам. В этом случае проблема истинного (правильного) доказательства (отдельное суждение не нарушает правила преобразования предшествующих суждений) не принадлежит к логике, а к методологии, которая уже не является логикой.

Стало быть, понятие науки можно определить так, чтобы из его состава исключить оценки. Однако методология традиционно претендует на статус науки. В этом случае оценки надо устранить также из методологии. Как показывает теория моделей (методология дедуктивных систем), это возможно, если оценки передвигаются из теории моделей в метатеорию моделей. Но в конечном счете оценочные высказывания устранить невозможно. Проиллюстрирую это на примере проблемы ценности истины.

В европейской культуре истина считается абсолютно положительной ценностью независимо от любых практических соображений или же существует убеждение в том, что истина позволяет получить пользу, которая недостижима путем действий, основанных на ложных суждениях. Доказательство противоречивости системы осуществляется на основе метасистемы. Это доказательство имеет форму описания. Суждение о возможности доказать в системе все высказывания, формулируемые в языке данной системы, так же метасистемно, как и его доказательство. Однако подобные описания приводят в движение человеческие действия по устранению противоречия. Значит, описания влияют на поведение людей подобно приказам сержанта или когнитивным императивам, а оценки невозможно устранить даже из трудов по логике. Систематизация и детальный анализ множества возникающих при этом проблем содержится в капитальном трехтомнике Александра Павловича Огурцова [3].

При широком понимании науки в ее состав входит методология. Например, логика состоит из множества суждений, которые доказываются на основании аксиоматики и метасистемных разделов (структура языка, правила вывода, применение данных правил к аксиомам и очередным тезисам, оценке возникающей системы с точки зрения непротиворечивости, решаемости, категоричности и т. д.). В состав эмпирических наук входят не только утверждения, но также информация и оценка средств измерения, оборудования, методов. При широком понимании науки оценки являются ее частью, а рецензии приходится считать научными произведениями.

Допустим, что оценки связаны с ценностями и в ходе анализа первых мы приходим к рассмотрению вторых. Подробнее этот принцип будет рассмотрен чуть позже. Здесь только отмечу, что в оценках речь идет о любых произвольных ценностях.

Я думаю, простейший способ установить виды функционирующих в науке оценок и ценностей – проанализировать корпус рецензий, начиная с отзывов на дипломную работу до оценки собрания сочинений выдающегося ученого. Виды рецензий различны: пересказ книг и статей; оценки дипломных работ, кандидатских и докторских диссертаций; устные публичные (дискуссии) и частные (разговоры) оценки; оценки при распределении грантов, премий, выборах в академию наук и т.п. Во всех случаях возникают оценки. Дам их предварительную классификацию.

Обычно рецензия начинается прямым (или косвенным) утверждением о важности темы. Но наряду с позитивной оценкой могут высказываться негативные. В этом случае автора упрекают в том, что он занимается пустяками. Положительная (отрицательная) оценка предмета исследования – первый вид оценок. Например, считается, что рак опаснее чиха, и потому теория рака считается важнее теории чиха. С этой точки зрения можно установить приоритет ценностей в рецензиях.

Другие оценки относятся к теориям, гипотезам, понятиям, дефинициям, классификациям и т.п. Эти продукты тоже могут оцениваться по мере важности. Но в этом случае понятие «важности» меняется. Чаще всего при оценке теорий говорится об истинности, строгости понятий и дефиниций, простоте и адекватности классификаций, общности гипотез, переломном содержании теории и т. д. В этом случае ложь, неясность, сложность выступают отрицательными оценками.

Следующий вид – оценка методов (как успешных, полезных, дорогих, дешевых, простых, трудных, сложных и т.д.). В естественных науках принято подчеркивать пользу, вытекающую из возможности практического применения (или отсутствия) широкой сферы применения результатов исследования. В социо-гуманитарных науках критерии пользы остаются предметом дискуссии.

Наконец, оценке подлежит и способ изложения. Тексты (иллюстрации, схемы) могут быть ясными и понятными или неясными и непонятными. Сведения могут быть хорошо собраны в разделах, параграфах, подразделах или быть хаотичными, нарушена очередность подачи информации и т. д.

Все оценки спорны. Один рецензент считает текст ясным, другой – неясным. Первый считает теорию поворотным пунктом в решении определенных проблем, второй рассматривает её как кучу неясных лозунгов. Такие расхождения мнений неприятны для авторов и рецензентов. Их можно объяснить различиями компетенции, тщательности, доброй (злой) воли рецензентов. Эти различия встречаются постоянно и считаются нормой. Но если рецензенты одинаково хорошо подготовлены и оба тщательно ознакомились с текстом,

почему возникает различие оценок? Зависят ли оценки от субъективных установок или от других факторов?

Кроме указанных различий бывают существенные теоретические различия. Например, оба рецензента утверждают: что труд обладает высокой степенью строгости, но один считает это достоинством, другой – недостатком. В этом случае расхождение мнений не может быть объяснено мерой различного знания работы. Различия относятся уже к статусу строгости как положительного или отрицательного свойства. Общего критерия оценки здесь нет.

Допустим, один оценивает теорию как истинную, полагая истинность ее важнейшим достоинством. Другой тоже высоко оценивает теорию, но не считает истинность отличительной чертой теории. Если истина недостижима, то теории никогда не могут быть абсолютно истинными. А поскольку истина недостижима, она не может быть ценностью. С этой точки зрения только существующие явления, свойства, предметы обладают реальной ценностью. Так возникает существенная проблема об отношении ценностей к бытию.

Наука включает множество свойств, ценностей и оценок. Приведу самые распространенные: наука – единственная сфера, позволяющая познавать истину на основе аргументов, а не обстоятельств, авторитетов и предрассудков; наука – единственная сфера познания, которая не зависит от временных мод, культуры, религии, интересов социальных групп, давления правительств и других систем власти; независимость науки гарантируется интересубъективностью поведения ученых – основой объективности научного познания; наука обладает множеством социально-политических достоинств – она образует единственно эффективный, мирный и гарантирующий истинность способ убеждения людей и согласования их взглядов; остальные средства убеждения (барьеры информации, апелляция к желаниям, паразитизму, интересам и т. п.) неэффективны, неистинны и не являются мирными; наука обеспечивает цивилизованный способ влияния на человеческие дела и представления.

Эти взгляды многократно обоснованы ссылками на «успехи и достижения науки». С помощью технических приложений наука обеспечила производство такого объема продуктов питания, лекарства, одежды, стройматериалов, который в донаучные времена был невозможен. Наука создала условия высокого уровня жизни большого числа людей. Ликвидация науки и техники привела бы к голоду, болезням и смерти сотен миллионов или миллиардов людей. Наука успешно привела к единству взгляды людей и создала перспективу будущей бесконфликтности в сфере идеологии. Очередные научные теории не перечеркивают, а уточняют и дополняют предшествующие, фиксируя границы прежней сферы применения. Наука не отвергает, а уточняет прежние достижения, стремится к полной истинности. Наука доступна всем людям, независимо от расы, нации, исповедания, имущественного ценза. Образ науки содержит одни позитивные оценки. Но на самом ли деле наука является идеальным человеческим продуктом?

Позитивному образу науки противостоит ее негативный образ как комплекса угроз, вытекающих из развития науки, громадное число побочных последствий и вредных применений. Речь идет не только об атомном, нейтронном оружии и загрязнении среды. Любое действие содержит побочные и первоначально невидимые последствия. При глобальном действии его последствия могут быть фатальны для всего человечества. Самые совершенные способы контроля и предвидения не гарантируют моментальное распознавание и устранение настоящих и будущих последствий. По мере роста размеров человеческих действий возрастает уровень угроз и мера риска. Страх порождает неконтролируемое движение по разработке и применению науки. Неужели ради обычного любопытства или занятости ученых остальные люди должны уподобиться подопытным кроликам, удовлетворяющихся тем, что все в науке происходит исключительно для их блага?

В этом контексте обращают внимание на то, что поток информации уничтожает традиционные мировоззренческие структуры. Вместо них возникает пустота, подвергающая людей изменчивым интеллектуальным модам, переходящим и замаскированным материальным целям групп интересов. Это разлагает стихийные социальные структуры, которые заменяются искусственными структурами, навязываются под давлением права, экономики и политики. Поэтому социальное равновесие становится все более шатким.

Не менее сомнительна интересубъективность научных исследований и аргументов. Невозможно понять и принять научные теории только на основе собственных размышлений, без многолетнего школьного, вузовского и поствузовского образования. Пожизненная рефлексия и образование культивирует адептов науки и одновременно искореняет их из вненаучной культуры, в которой выросли они или их родители. От донаучной культуры остаются только общие свойства или крохи. Поэтому нельзя утверждать, что наука не зависит от культуры и интересубъективна. Наука заменяет прежнюю культуру и зависит от своей собственной культуры – установок научного сообщества.

Эволюционное развитие теорий, успешное накопление знания и надежда на приближение к окончательной истине тоже сомнительны. Очередные теории данной сферы не являются улучшенными версиями одной идеи, а противоречат ей, ибо связаны с различными и противоположными образами мира.

Итак, налицо фундаментальные различия в оценке науки. Оптимистические и пессимистические оценки показывают: различия есть не только результат разного опыта и ошибок лиц, высказывающих оценки, но и следствие различных дискуссионных критериев мер и оценок, которые ставятся перед наукой. Что лучше: обеспечить с помощью науки и техники достаточный объем продуктов питания для всего человечества или спокойная жизнь части человечества, которая не нарушается сведениями о возможных угрозах? Решение данной альтернативы влияет на научную и демографическую политику. Положительный ответ на первую часть вопроса благоприятствует развитию науки при невмешательстве в демографическое развитие. Положительный ответ на

вторую часть допускает и положительно оценивает уменьшение популяции при одновременном ограничении и закрытии научных исследований. Некоторые хотят связать развитие науки и ограничение количества человечества. Однако невозможно продолжать в бесконечность связь противоположных тенденций.

Приведенный пример иллюстрирует потребность в критериях оценки.

Проблема иерархии ценностей. Особое значение имеет отсутствие методологических критериев оценки. В максимальном упрощении дискуссия по этой проблеме выглядит так. В эмпирических науках можно утверждать только то, что непосредственно (опосредованно) познаваемо чувствами. Речь идет об определенном способе описания действительности, который фиксируется в познании. Но методологические императивы не фиксируются чувствами ни непосредственно, ни опосредованно и потому не могут входить в состав эмпирических наук. А за пределами этих наук не существует обладающего ценностью познания действительного мира. Формальные науки не относятся к этому миру. Следовательно, методология как формальная наука не содержит нормативных элементов, поскольку анализирует действительные научные исследования. Если методология – эмпирическая наука, она должна быть описательной.

Противники тезиса о чистой описательности методологии обращают внимание на то, что ученые в ходе исследований могут выполнять разные действия (например, принимают пищу). Значит, надо обладать критериями выбора существенного и необходимого для получения результатов, которые принимаются научным сообществом, а также критериями того, что вообще принимается научным миром. Но идет ли речь о нынешнем, прошлом или будущем поколениях ученых? По проблеме поколений вообще и поколений ученых тем более нет единомыслия. Критерии формальной принадлежности к ученым все более сомнительны. По крайней мере, наличие диплома кандидата (доктора) наук еще ни о чем не говорит. По этому критерию Фарадей и Франклин учеными не были. Говорят, что важнейший критерий согласия с теорией – ее актуальная истинность, поэтому достойно описания все, необходимое для достижения этого свойства. Но наибольшее препятствие для всех научных исследований – отсутствие идей (бессмысленность). Однако я никогда не встречал описания феномена отсутствия идей или бессмысленности (в естественных и социальных науках). Не означает ли это, что при методологическом описании мы руководствуемся неопределенными критериями?

Возьмем другой пример. Один ученый многократно измеряет длину пядью, затем линейкой, портновским и столярным метром, затем определяет среднее значение как результат измерения. Другой использует один точный измерительный прибор и получает тот же результат. Какое действие опишет методолог? Видимо, действие второго ученого, возможно, действия обоих, но порекомендует второй способ измерения, поскольку он экономичнее для получения результата. В этом случае экономичность – критерий предпочтения метода и основание его использования в определенных условиях. Критерий

выбора методологических описаний – формулировка рекомендаций или суждений долженствования.

Можно принять и другой способ аргументации методологических оценок. Языки дедуктивных наук позволяют установить доказуемость высказываний на основании принятых принципов. Предпочтение одного языка другому объясняется тем, что дедукция позволяет избежать ложных суждений и ошибочных методов на основе принятых принципов. Но сама возможность достижения истины есть ценность, которая ведет к построению определенных языков. Если так поступает ученый при изучении определенного предмета, то так же может поступать методолог, находящийся на метауровне и высказывающий оценку.

Итак, проблема ценностей в методологии сводится к неразрешимому спору о ценностях в науке. На эту тему нет универсальных суждений в методологии, поскольку она не дает строгого определения понятий «ценность», «оценка», «должное». Простейший способ дать такие определения – перенести их из аксиологии (этики) в методологию. Методология изучает понятия «ценности» и «оценки», аксиология и этика – понятие «должного» как базис и образец аксиологии.

Некоторые аксиологи (например, М. Оссовская) определяют оценки как суждения в грамматическом смысле слова. Но идет ли речь об изъявительных суждениях в логическом смысле или о грамматических суждениях в форме императивов, которые выражают одобрение или порицание? Если оценки являются логическими суждениями, они должны обладать истинностью (ложностью) или опосредующей ценностью возможности (вероятности). Согласие с таким ответом порождает проблему обоснования данных оценок. Если считать оценки логическими суждениями, то что они описывают – свойства вещей или отношение (одобрение или порицание) к ним? Если оценки описывают одобрение или порицание, то возможно ли единообразное отношение всех людей ко всем вещам или же оно зависит от моды, настроения, культуры, убеждения, интересов индивидов, вследствие чего невозможно установить единообразие и порядок оценок?

На эти вопросы отвечают по-разному. Аксиологические исследования наиболее проницательны тогда, когда один автор критикует другого, показывая слабые стороны и многозначность предлагаемого решения. Тем самым увеличиваются сомнения и различия взглядов. Зачем же увеличивать неопределенность и создавать больше трудностей, чем методология?

Все согласны с положением: оценки тесно связаны с ценностями, на основе которых оцениваются вещи и события. Расхождения начинаются при определении. Существуют следующие определения (и теории) ценностей: это – свойства вещей и явлений; возможности вещей и явлений; способности вещей и явлений вызывать в людях при определенных условиях определенные эмоции и мотивы действия; человеческое отношение к вещам, явлениям, событиям; ценность вещей и явлений тождественна пользе, которая влечет за собой

производную эмоцию; наконец, Джордж Мур предлагает единственную ценность блага как первичного и неопределенного свойства, несводимого к пользе, ощущениям и свойствам вещей [4]. Эти различия существенны в аспекте содержания и эмоций. Если решения заимствуются из аксиологии, надо знать содержание споров, чтобы не блуждать путями, которые ведут в тупик.

В науке выступают оценочные и нормативные суждения (например: ученый должен подвергать свои продукты контролю других ученых). Нормативные суждения обычно называют суждениями «долженствования». Связаны ли они с оценками? Связано ли долженствование с ценностью? На эти вопросы есть разные ответы:

1. Должное связано с ценностью: надо делать нечто, если это нечто есть благо.

2. Не связано: никакое долженствование не связано с красотой образа. Долженствование – это просто воля законодателя (тирана), которой необходимо покориться.

3. Долженствование связано с необходимостью и является модальностью.

4. Долженствование осуществления чего-либо – следствие угрозы наказания. Но наказание различно понимается юристами, политиками, теологами и теми, для которых наказанием является сам факт не достижения желаемой цели.

Эти «мелкие» этические различия не благоприятствуют ссылке на аксиологию, зато свидетельствуют о широте аксиологических дискуссий, чтобы не упрощать проблему оценок и долженствования в науке и о науке.

Наибольшее расхождение мнений вызывает обоснование оценок и суждений долженствования. Большинство аксиологов полагают: оценки не могут быть обоснованы интерсубъективно. Значит, «о вкусах не спорят». Если оценки есть восклицательные знаки в форме грамматических изъяснительных суждений, то на деле они не являются логическими суждениями и не могут быть обоснованы. Можно лишь определять мотивы и причины оценок, на основании которых мы обладаем конкретными предпочтениями. Так же обстоит дело с суждениями долженствования как выражениями воли: можно искать мотивы решения, однако невозможно обосновать их истинность.

Но иногда полагают, что можно обосновать большинство оценок и суждений долженствования путем выведения производных оценок из главных оценок. Но главные оценки не имеют иного обоснования, кроме самоочевидности и врожденной (или выработанной опытом) интуиции. В последнем случае предлагают разные методы активного выражения интуиций. Одна из них – приведение случаев, подпадающих или противоречащих общей оценке (норме). Тем самым отбор примеров позволяет осознать отношение к нормам и принципам. Оно обретает форму энтузиазма, обиды, одобрения, порицания, в зависимости от подтверждения (отрицания) принципа на данном примере. Подобное иллюстративное поведение обладает определенной успешностью.

Широко распространено мнение: лучшее доказательство невозможности обоснования оценок и суждений долженствования – их фактическое расхождение. Даже в рамках одного общества и культуры невозможно согласовать большинство оценок. Тем более это относится к человечеству, с учетом культурных, религиозных, расовых различий, уровня, способов образования. Наоборот: по мере познания оценок разных времен и народов возрастают различия оценок вещей, явлений, действий. То же самое относится к долженствованию. Различия доказывают, что сама основа оценок субъективна, зависит от языка, интересов, исторических, географических и культурных условий. Но условия связаны с мотивами, а не обоснованием.

Эмпиризм отвергает (или оспаривает) доказательность оценок и норм. Оценки должны относиться к ценностям, а суждения долженствования к долгу. Но указанные эквиваленты суждений не являются чувственно фиксируемыми данными. Посредством чувств можно познать цвет, гладкость поверхности, вес и т. д., но не связь конкретных ценностей с конкретными свойствами. По мнению эмпиристов, неаналитические суждения можно обосновать только на основе чувственных данных. Следовательно, если оценки и суждения долженствования не являются аналитическими, т. е. относятся к действительности (в отличие от аналитических суждений, которые ничего не говорят о действительности), они должны быть обоснованы эмпирически. А поскольку это невозможно, оценки и суждения долженствования вообще не являются суждениями, которые что-либо сообщают о действительности. Они являются императивами (оценки) или выражениями воли (нормы). Но люди жертвуют собой ради защиты определенных ценностей и долженствования. Отсюда эмпиристы делают вывод о нерациональности большинства людей.

Есть ли возможность избежать аксиологических проблем при обсуждении методологических оценок и директив? Должны ли дискуссии об оценках в науке и оценок науки учитывать аксиологические проблемы? Можно ли решить науковедческие проблемы без аксиологии?

Методология дедуктивных наук подчеркивает значение непротиворечивости дедуктивных систем на следующем основании: противоречивые системы не имеют ценности, поскольку в них можно обосновать (доказать) все суждения, сформулированные в языке системы. Почему это должно быть недостатком системы? Обычно мы довольны, если можем доказать *больше*, чем меньше. Не является ли наилучшей система, в которой можно доказать (обосновать) *все* суждения? На этот вопрос отвечают: мы стремимся доказать лишь некоторые суждения, которые кажутся истинными. Доказательство – это метод установления отличия истинных (обладающих ценностью) суждений от всех остальных. В конечном счете некоторые суждения остаются недоказанными или отвергнутыми. Но почему нас заботит вопрос об истинных суждениях и отбрасывание или неприятие остальных? Приведенные вопросы кажутся главными, а по сути являются самыми важными и трудными. На них невозможно ответить без определенной иерархии ценностей. Если незнание трактовать се-

рзезно, можно рассмотреть следующий вопрос: что важнее – истинные суждения или суждения, начинающиеся на букву «б»? Если нет критериев, все теряет важность.

Эта сформулированная шутливо трудность имеет и практическое применение. Например, как оценивать докторскую диссертацию, которая с теоретической точки зрения является блестящей, творческой, новаторской, но переполнена грамматическими и орфографическими ошибками, хаотична и агрессивна ко всем потенциальным читателям? Рецензент обязан вынести вердикт: может ли она в настоящем виде стать основанием дальнейших шагов в процессе доведения текста к защите. Что должен рецензент брать во внимание – теоретическую глубину или дидактический инфантилизм, неспособность к сотрудничеству (агрессия!) и пренебрежение к родному языку? Отсутствие общей иерархии ценностей приводит к тому, что рецензенты различно оценивают достоинства и недостатки докторской работы.

Как известно, Галилей разочаровался в бесплодных философских дискуссиях и занялся описанием падения тел. После этого его начали упрекать: он привлекает внимание людей к частному вопросу падения тел и отвлекает внимание от более общих и важных вопросов. Галилей придавал большую важность проверяемости, тщательности и общности результатов и интуитивной связи с жизненной тематикой – справедливостью, смыслом жизни, достоинством, счастьем и т. д. Тогда нельзя было предвидеть, что описание падения тел приведет в будущем к появлению общих теорий и положит начало новым способам научной аргументации. Современники обвиняли Галилея в пропаганде бесплодного учения о причинности [5].

Но подобные упреки выдвигаются до сих пор разными учеными в отношении самых разных трудов. Следовательно, тип упреков до сих пор не изжит. Но сегодня тоже невозможно предвидеть, как познание конкретных явлений и событий повлияет в будущем на судьбу общих теорий (напомним первичное пренебрежение к результатам исследований Менделя). С другой стороны, наплыв мелких «введений к вопросу» – истинный кошмар для тех, кто хочет честно и внимательно проследить прежние достижения. Спасение от наплыва ненужных публикаций – выработка умения подавлять свою научную совесть и просто не читать большинство литературы.

Для показа трудностей приведу пример. Сравнительно недавно возник вопрос: надо ли изучать возможности технического вмешательства в механизм генов ради появления новых видов? Опасения пробуждает возможность создания новых бактерий, воздействие которых на человека может быть вредным и трудным для быстрого реагирования в случае выхода из-под контроля хотя бы нескольких экземпляров. После первоначальных колебаний и установления дополнительных предосторожностей проникновения таких бактерий в среду было признано: познавательная и иная польза превышает возможную опасность. Но предосторожности приняты намного меньше по сравнению с теми, которые используются в атомных электростанциях. Обосновано ли та-

кое решение? Для правильной оценки дальнейших исследований предполагается ряд умений: предвидеть вероятность выхода бактерий из-под контроля; устанавливать возможный вред; шанс элиминации вредных бактерий в надлежащее краткое время – прежде, чем они смогут принести смерть множеству людей. Во всех указанных случаях ничего конкретного предвидеть невозможно, поскольку такие предвидения должны руководствоваться прекрасодушным «мышлением, выдающим должное за сущее». Невозможно оценить величину возможных потерь: несколько человек или десятки миллионов. В дискуссии о правильности принятия решений о проведении исследований проясняется ценность дальнейших исследований. Эта польза представляется общественному мнению огромной. Удовлетворение ученой любознательности и желание проведения исследований влияет на принятие решения. Во всяком случае, перед принятием решения не приведены расчеты величин риска, прибыли и вероятности того и другого. Мы не знаем отрицательной ценности человеческой смерти, не можем сравнивать ценность возможного увеличения (при помощи бактерий, подвергаемых мутации) количества питания, лекарств и т. п. по сравнению с ценностью смерти. В конечном счете мы предоставлены умению ученого господствовать над своей любознательностью ради всеобщего интереса. Это – ничтожная гарантия от возможных опасностей. В данном случае пренебрегают основным правилом теории решений – не принимай решение с возможным летальным исходом и неотвратимыми последствиями, если нет абсолютной уверенности в их отсутствии. Ценность истины и ожидаемой пользы склоняет весы в одну сторону.

Этот пример доказывает отсутствие обоснованной иерархии ценностей. Такое отсутствие уже стало причиной катастрофы современной науки, особенно в России. Но эта тема требует особого обсуждения.

Литература

1. Балацкий Е. Диссертационная ловушка // Свободная мысль. XXI. 2005, № 2.
2. Вирилио П. Информационная бомба: стратегия обмана. М., 2002.
3. Огурцов А. П. Философия науки: двадцатый век: концепции и проблемы. В трёх частях. СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2011.
4. Мур Дж. Э. Природа моральной философии и другие произведения / Предисл. А. Ф. Грязнова и Л. В. Коноваловой; Пер. с англ., сост. и прим. Л. В. Коноваловой. М.: Республика, 1999.
5. Дмитриев И. С. Увещание Галилея. СПб, изд-во «Нестор-История», 2006.